

Гарфанг

Стирающий грани

*Блэссету
и всем, кто не
боится заблудиться,
посвящается...*

*Единожды
нарисованный узор
должен воплотиться —
и не столь важно, в
какой форме.*

Неуклюжее чудовище

Неуклюжее Чудовище — это я.

Правда, не постоянно я такой уж и неуклюжий, да и чудовищем был не всегда... Наверное.

Точно я не помню.

Моя голова пуста, как глиняный горшок, и я не могу оттуда выудить даже своего настоящего имени, не говоря уже о каком-то прошлом...

Да мрак с ним, с этим прошлым. К счастью, моя внешность — самый заметный порок, и

поэтому утерянная память почти не стала объектом для насмешек. А к колкостям по поводу портрета я привык настолько, что почти перестал обращать на них внимание. Да, говоря откровенно, и вряд ли моя физиономия была когда-то намного привлекательнее и без жуткого рваного шрама, который теперь «украшает» всю голову от затылка до виска; даже если убрать ожег, что корявым пятном покрывал шею и полгруды, сомневаюсь, что кому-нибудь пришло бы в голову назвать меня хотя бы симпатичным. Моя зеленая грубая кожа и глубоко впалые глаза вместе с вытянутым черепом привлекают косые взгляды даже здесь, где относительно вольно относятся к представителям разных рас. Правда, никого похожего на меня я еще не видел...

Надеюсь, что пока не видел. Ведь моей сознательной жизни прошла только одна зима да почти вся весна, и то половину этого времени я провалялся, как бревно, пока затягивалась дырка в спине от чьего-то копья, с обломком которого меня и подобрали одним утром поздней осенью прямо посреди дороги пара крестьян, что возвращались с рынка...

Меня, не долго раздумывая, окрестили Шрамом и определили жить на скотный двор к поселковому учителю, так как не знали, что со мной еще делать.

Я спал на охалке сена и честно пытался отрабатывать свой хлеб: с утра пораньше таскал воду, поил скот, а потом носил дрова для старой печки в низенький темноватый домик, который и был местной школой.

А потом явился какой-то маленький человечек из города, и долго думал, какой знак подала поселку всевидящая Судьба в виде моего появления, и куда, собственно, этот знак теперь пристроить. Он долго ходил взад-вперед, рассматривая меня снизу вверх (его макушка едва доходила мне до груди). Этот человек вконец утомил меня своими вопросами; но самое плохое было в том, что ни на один из них я не мог дать хоть сколько-нибудь четкий ответ. Да, я не помню, как меня зовут, сколько мне лет и так дальше. Я понятия не имею, где и когда моя и без того прекрасная физиономия набралась украшений в виде рваных шрамов. Так же для меня загадка, где и при каких обстоятельствах я получил копьем в спину, и почему я не умер от этой раны там же, на месте, как подобает существу богобоязненному. И в каком именно месте меня ранили, если вблизи поселка давно уже никаких боев не происходило... Вопросов было много, и все — один глупее другого; и когда я устал отвечать, то просто замолчал, воспитанно заложив руки за спину.

Человечек еще долго бегал взад-вперед, а

потом распорядился позвать поселкового голову и велел причислить меня к числу обитателей деревни. Дороги Судьбы непонятны для нас; и если уже меня нашли именно в этой деревне, значит, так было суждено и для чего-то я тут нужен. По моему отличному здоровью, которое восстанавливалось нереально быстро после такой серьезной раны, можно было сделать выводы, что я еще молод, а, значит, должен пройти обучение вместе с остальной молодежью, и в день Равновесия получить свое предназначение наравне со всеми.

Это уже, конечно, давало мне куда больше прав, чем раньше. И хоть после того, как маленький человек уехал, я так же продолжал ночевать на сене возле скота, но теперь я мог ходить в школу и участвовать в общих богослужениях наравне со всеми.

Хотя, если честно, я остался бы более довольным, если бы мне пришлось их пропускать...

Со школой было чуть веселее, но не намного. Вся эта учеба оказалась таким скучным занятием, что я с трудом заставлял себя не заснуть во время урока, а пару раз таки начал храпеть под дружный гогот моих «сотоварищей». Это они прицепили мне к обычной кличке Шрам, с которой я уже пообвыкся, еще и Чудовище. И уже с легкой подачи Линсей прилипло еще и «неуклюжее».

Что же... Если быть предельно честным, то по

сравнению с ней я именно Неуклюжее. Но это еще не самое худшее; беда в том, что я совершенно не умею обращаться с оружием. И когда я тайком подглядываю, как легко, словно в танце, кружится Линсей со своей рапирой, я понимаю, что никогда не смогу танцевать хоть сколько-нибудь похоже.

Вернее, я совсем не умею танцевать. Музыкальный слух — это еще одно, чего я лишен напрочь. Но если с этим примириться было достаточно легко, то смех этой противной девчонки в мой адрес, когда рапира еле поворачивалась в моей лапнице, такая же неуклюжая, как и я, был очень обидным...

Но мастер Треш — теперь и мой учитель тоже, нашел выход из этого положения — вместо рапиры, которая на фоне моей мощной фигуры выглядела жалким прутиком, он дал мне в руки грубый тяжеленный топор на длинном топорище. И дело пошло на поправку — едва я взял его в левую руку (смех Судьбы — я еще и левша!), почувствовал его упрямую силу, как мы с топором просто слились воедино, и я начал выделывать им такие кренделя, что недавние насмешки других учеников быстренько превратились в зависть.

Кстати, у меня имеются сильные подозрения, что моя обучаемость тут ни при чем: это просто вспоминало тело, когда-то знакомое с таким видом оружия. И мой удар, пусть и некрасивый, был

беспрекословно мощным. (Это даже слегка подлечило мое самолюбие: сам видел, как парни пытались взмахнуть моим топориком — и ни один не смог толком даже поднять его).

Наравне со всеми с приходом весны я принялся работать в поле, и через несколько дней понял, что и с такими работами я был ранее знаком. Кем я там ни был в той своей прежней жизни, но, видать, успел много чему научиться: я умел пахать и сеять, готовить еду и чинить одежду, ухаживать за животными и даже немного готовить лечебные смеси из трав. Эти мои открытия не прошли незамеченными; из бесполезной обузы для поселка я понемногу превращался в ценного работника.

«Если так пойдет и дальше, то меня — смех Судьбы! — еще поставят в один ряд с поселковой молодежью в день Равновесия и будут искать мне невесту», — думал я иногда, с легкостью таща за собою по полю борону, в то время как другие мужики втроем еле переставляли ноги, пытаясь волочить другую.

В этот год не без моей помощи поля и огороды в поселке были засеяны и посажены ровно в строк, так что даже осталось пару дней на подготовку к большому весеннему празднику — Призыву Судьбы.

Крестьяне старались от души — убирали свои жилища, чинили прохудившиеся за зиму крыши и стойла для скота.

Молодежь готовилась по-своему: подбирала лучшую одежду, а в школе вовсю практиковались в пении ритуальных песен.

И это было хуже любой работы, ведь даже самые маленькие из учеников знали эти песни лучше меня. Как я не старался, но запомнить вместе больше нескольких строчек у меня никак не выходило... И если до этого в поле я чувствовал себя почти героем, то здесь, на школьной скамье, я снова превращался в цель для насмешек.

— Знаешь, Шрам, если бы мы не знали, какой ты тупой, мы бы могли подумать, что ты отступник и просто не хочешь петь вместе со всеми, призывая Судьбу, — сказала как-то Линсей после очередной моей неудачной попытки чего-нибудь подпеть.

— Но никто же не обвиняет в отступничестве дерево или камень, ведь им не дано, — добавила она со слащавой улыбочкой, глядя мне в глаза.

— Так что и тебя мы не обвиняем, Шрамчик, не волнуйся.

Остальные ответили ее словам дружным гоготом — даже сопливые пацанята, сидящие в самом последнем ряду и только пытающиеся подпевать слова песен за старшими.

И тут я вскипел.

Если бы передо мною был мужчина или хотя бы юнец, он бы уже собирал свои зубы по ту сторону окна. Но Линсей, эта девчонка... Что я мог ей сделать?

Я только прорычал и, стиснув зубы от злобы, ломонулся к выходу.

Учитель Треш только махнул рукою — он знал, что останавливать меня бесполезно.

Чтобы куда-то согнать злость, я направился колоть дрова.

Под моим топором тяжеленные пеньки разлетались на щепки.

Ох уж эта Линсей! С каким бы удовольствием я огрел бы ее хоть разок по башке, будь она покрупнее... Но чего там бить-то? Все равно, что мышку. Может, среди остальных девчонок она и довольно высокая, но мне-то и до груди не достает. И чего она ко мне прицепилась? Жить я ей, что ли, мешаю? Или ее цепляет, что я не сохну по ней, как добрая половина парней поселка?

Если честно, то ее можно было бы назвать хорошенькой, даже очень. Точеная фигурка, медового цвета густые волосы, что роскошными локонами струятся по спине, и милое личико с золотистыми пылинками веснушек на носу. Если признаться, то я и сам ловил себя на том, что иногда исподтишка наблюдаю за ней. Но сказать,

что она мне нравится, было бы неправдой. Просто какое-то странное, непонятное ощущение охватывало меня всякий раз, когда я долго смотрел на Линсей, и всякий раз мне казалось, что вот-вот я вспомню что-то особенное, очень нужное для меня...

Но ощущение проходило, а какая-то вязкая, тянущая тоска оставалась еще надолго, и я никак не мог с ней справиться. Словно я забыл нечто очень важное, и теперь без этого уже никогда не смогу жить полноценной жизнью.

Может, эта шустрая лисица с острым языком просто по-своему понимала тоску в моих глазах, когда я смотрю на нее, и поэтому кусала меня своими насмешками, как надоедливая мошка? Ну, разве не потеха: зеленомордый орк втрескался в сельскую красавицу!..

«Да забери ее мрак, эту Линсей! Уходить отсюда надо», — думал я рассеянно, махая топором снова и снова.

Но ведь идти мне было совершенно некуда...

А потом дрова закончились.

Я уселся на пенек для рубки и просидел там, пока не появился учитель Треш.

Изумленно взглянув на гору дров, он только покачал головою.

— Шрам, да не бери ты это все близко к сердцу, — он, как другу, положил мне руку на

плечо.

— Они просто дети, а ты не похож на них. Они, как маленькие собачки, лают, когда видят что-то необычное. А только шикни на них — тут же бросятся наутек.

— Да знаю... — тоскливо махнул рукою я.

— А насчет Гимнов Судьбы — так ты не расстраивайся: там, на небесах, зачтется и просто старание, даже если ты и не выучишь песни. Ведь ты же стараешься, правда?

— Угу, — махнул головою и честно соврал я.

— Ну вот и чудесно, — улыбнулся учитель. — Идем обедать.

Я послушно поднялся и потопал следом за учителем в его домик, где уже его жена (добрейшая тетка! Сначала, правда, меня боялась, но потом пообвыкла) накрывала стол.

Если честно, насчет старания я обманул учителя Треша. Просто мне почему-то до тошноты было противно повторять за всеми хвалебные слова о доброй и мудрой Судьбе, что управляет всеми нами. Поэтому я пропускал эти слова мимо себя, совсем не цепляя памятью. Но объяснить такое странное противление для учителя было бы слишком сложно, ведь оно и мне самому казалось непонятным.

Так что проще все списать на тупость.

В конце концов, наверное, так и есть: если ты

неспособен запомнить пару строчек песни и напрочь лишен музыкального слуха, то вред ли пение доставит тебе удовольствие.

Куда большее удовольствие — большая миска горячей каши с молоком и полхлеба — мой обычный обед, который ждет меня на столе.

А когда я вижу еду, все другие мысли просто выпрыгивают вон из моей головы и настроение поднимается само собою...

Да, поесть я люблю.

* * *

В подземелье клубилась тьма — такая густая и вязкая, что ее можно было бы потрогать рукой. Вот только сделать такое было некому; давным-давно забытый вход в подвал, заваленный грудой камней, перестал интересовать кого бы то ни было.

А существо, прикованное по рукам и ногам к скользкой от влаги стене — таким образом, что обтянутые бурой кожей высохшие конечности не касались земли, было мертво или погружено в непонятный, растянувшийся во времени летаргический сон, сковавший его не менее, чем толстые цепи, способные удержать на месте средних размеров торговое судно. Стоило бы удивиться, что столь тяжелые кандалы

понадобились кому-то лишь для того, чтобы обездвигить кого-то столь тщедушного, как пленник этого подземелья.

Назвать его человеком было бы сложно: ссохшаяся плоть обтягивала тонкие кости; на плечах существа неподвижно болтались обрывки почти истлевшей от времени и сырости одежды, а лицо напоминало скорее уродливую морщинистую маску. Было еще нечто странное — ногти на руках и ногах существа вытянулись не меньше локтя в длину, уродливо изогнутые и заостренные на конце. Отросшие космы седых волос струились по полу, напоминая серую паутину.

Существо не двигалось; и только склонившись близко-близко над ним, можно было бы заметить, как изредка едва вздымается тощая грудь, впуская в себя немного застоявшегося сырого воздуха.

Вдруг откуда-то сверху раздался гул, похожий на голос колокола; он нарастал с каждой секундой, заполняя собою тесное пространство подземелья, отчего застывшая тьма вдруг всколыхнулась, и тело узника — а еще точнее — узницы — начало трястись, как в лихорадке, ударяясь тощей спиной в мокрый камень.

Звук прервался так же неожиданно, как и начался.

Существо открыло глаза...

С душераздирающим воплем мальчик вскочил со своей постели; его сердце едва не выпрыгивало из груди.

— О небеса! Руди, да когда ж это закончиться? — пробасил грубый мужской голос по ту сторону хлипенькой перегородки, отделяющей супружеское ложе от спальни детей.

— Еще пару таких ночей, и я стану заикой...

В дальнем углу заплакал в колыбели грудной ребенок.

— Да что ж это за наказание на мою голову! Где ж ты взялся, паразит этакий, — проворчала Руди, и, кряхтя, и потопала к разорвавшемуся младенцу.

— Ну-ну, маленький. А-а-а-а-а!..

Мальчишка и девочка постарше, что спали там же, где и незадачливый сновидец — на полу, на охапке сена, покрытого мешковиной, тоже проснулись и, не сговариваясь, принялись колотить его. Мальчик скрутился калачиком, уже привычно закрывая от ударов лохматую голову.

— Ей вы! Потише там! — прикрикнула на них Руди, укачивая на руках младенца.

— Еще раз так заорешь, и ты покойник! — прошипел старший мальчишка на ухо младшему и, наостанок еще раз угостив его ударом под тощие ребра, отвернулся в другую сторону. Подражая

брату, девочка сделала тоже самое.

Мальчишка — только что поднявший своим криком на ноги всю семью, лишь сдавленно охнул, чтобы не застонать, вытирая кулачком набежавшие слезы.

Скоро в темной и душной крестьянской избе снова воцарилась тишина.

* * *

Пасмурное утро струилось тусклым светом из-за плотных штор.

Министр никуда не спешил; его день начинался поздно, а заканчивался часто почти с наступлением рассвета.

Устало развалившись в высоком кресле, закутанный в широкий пестрый халат, он не спеша отхлебывал из высокой глиняной кружки горячий напиток.

Несмотря на доступность посуды из железа, серебра и золота, этот — один из богатейших в королевстве — человек, оставаясь в одиночестве в своих покоях, всегда отдавал предпочтение глине и дереву. Может, эта привязанность была единственной ниточкой, связывавшей его с теми временами, когда Инальд Дурог еще не был министром.

— Ну, и что нового тебе удалось узнать?

Толстый невысокий человек — советник Тиз, только покачал головой, от чего его тщательно уложенные пряди седоватых волос разъехались в стороны, открывая небольшую лысину.

— Почти ничего. Последний следопыт сказал то же, о чем уже говорили предыдущие — все следы обрываются у Каменного лога.

Инальд отхлебнул еще раз; аккуратно поставил чашку на край небольшого столика и только тогда поднял на Тиза тяжелый взгляд пронзительно-серых глаз.

— Ты думаешь — это то, что я хотел бы услышать?

В глазах молодого мужчины полыхнуло острое пламя; оно разгоралось стремительно быстро и не сулило советнику Тизу ничего хорошего.

— Покрой вас мрак, ничтожные дармоеды! — вдруг сорвался с места министр и, в один прыжок достигнув несчастного Тиза, вцепился длинными цепкими пальцами в его глотку.

— За что я плачу вам?! Думаешь, мне нужны ваши отговорки?

Вусмерть перепуганный Тиз только затряс головой.

— Что вы сделали, чтобы найти ее? Столько времени прошло — и что?! Что, я тебя спрашиваю?!

Он наконец-то расцепил пальцы, и советник, схватившись за горло, отошел назад на несколько шагов и закашлялся.

— Я... Я послал туда людей, они ищут... — прохрипел он в ответ. — Всем окрестным баронам дано распоряжение...

— Да, да, да! Я сам приказал тебе дать им распоряжение, и это не новость! Я спрашиваю, что сделал ты?

Тиз уже немного пришел в себя.

— Мы делаем все возможное. И это не наша вина, что...

— Хватит! — снова рывкнул Инальд. Ярость исказила его холеное лицо.

— А теперь слушай меня внимательно: или вы ее найдете, или ты займешь ее место в тюрьме. Это ясно?

Тиз только утвердительно качнул головой: яснее было некуда. Зная министра хотя бы чуть-чуть, можно было не сомневаться в его словах.

— Если она жива, она должна быть здесь. Здесь, а не в подземельях Церкви. А если эта дрянь мертва, то я хочу знать, где ее зарыли, и сколько бурьяна растет на ее могиле. Это тоже ясно?

— Да, господин.

— Можешь идти. Нет, постой... Еще одно: если найдете могилу, убедись, что это именно та могила, и оставь там человека. Пусть следит, кто

еще будет ее искать. И все вещи — повторяю: все! — вещи, которые вы найдете, и которые принадлежали ей, доставить ко мне сюда. То же касается и нашего хваленого сыщика, который стоил мне больше породистой лошади: как только этот мерзавец объявится — в любое время дня и ночи — тащите его сюда! Пусть он мне расскажет все те сказки, которые скармливает вам, идиотам!

— Будет исполнено, господин.

— Иди, — прошипел министр, пытаясь взять себя в руки.

Советник поспешил откланяться и стремительно скрылся за дверью.

Инальд Дурог остался один.

Его ярость улеглась так же неожиданно и быстро, как и поднялась, и только тревожные мысли отражались тенями на высоком лбу да пряди светлых волос растрепались в разные стороны в беспорядке.

Это был высокий мужчина в возрасте около тридцати с лишним лет; но глядя на его ухоженное лицо и худощавую фигуру, можно было дать и меньше.

При дворе он был загадкой; за глаза многие называли его выскочкой и баловнем Судьбы, а при встрече вежливо кланялись и рассыпались ворохом льстивых слов. Он был вспыльчив, жесток и

злопамятен, но при этом обладал недюжинным умом и бесстрастной расчетливостью. Явившись ко двору, этот сын мелкопоместного барона из какого-то городка в глухомани за два года сделал головокружительную карьеру: от советника четвертого звена до первого министра. Непостижимым образом оказываясь всегда в нужное время и в нужном месте, он без труда завоевал симпатию и доверие самого короля, что сразу же обеспечило ему деньги и статус.

Поговаривали даже, что в последнее время венценосец настолько приблизил к себе этого молодого выскочку, что никакое важное для страны решение не принимал, не посоветовавшись с ним. Но еще поговаривали, словно он болен какой-то неизлечимой болезнью, и по этой причине в последнее время больше времени проводит в своем роскошном доме, чем во дворце. Но многие считали эти слухи клеветой недоброжелателей — а в таких недостатка не было.

Вот уж — воистину недоступны пониманию дороги Судьбы; — разводили руками куда более знатные и менее удачливые придворные, завистливо озираясь ему вослед.

И только один человек на свете — сам Дурог знал точно, что Судьба здесь абсолютно ни причем...

Уже — один.

Теперь, по прошествии стольких месяцев, он был почти уверен в этом.

Но пока оставалась хотя бы слабая возможность иного развития событий, он должен держать ситуацию под контролем — чтобы не упустить свой единственный, хотя и призрачный, шанс на спасение.

Всего один раз он упустил свою удачу...

— Ты обманула меня, но обмануть смерть тебе не удастся, дорогая, — прошептал он в пустоту, невидящим взглядом глядя в окно.

— Даже тебе это не под силу...

* * *

Как обычно, я поднялся рано утром и пошел кормить скот. Натаскал воды из колодца и тут только вспомнил, что сегодня праздник Призыва Судьбы — один из самых значимых праздников в году.

Ох уж мне эти праздники! Это опять многоголосый вой (ритуальное пение, тобишь), толпа одетых в чистое поселян и длинные-предлинные благодарствия Всевидящей Судьбе перед тем, как сесть за обильно накрытый стол...

Если б не это последнее, то тащиться на праздник вообще было бы невыносимо.

— Но ведь ничего страшного не случится, если я приду попозже? — сказал я сам себе. В конце концов, в праздничный день не мешало бы помыться особенно тщательно и переодеться в чистое и мне тоже.

С самыми лучшими намерениями я взял чистую рубашку и потопал к воде.

На этот раз на берегу небольшой речушки не было никого; все поголовно готовятся к празднику, так что я спокойно мог раздеться и вдоволь поплескаться в холодной воде. Подумав немного, я решил и одежду заодно постирать. А пока штаны (они у меня одни — ткани идет многовато) подсохнут на ветках, со спокойной совестью можно и отдохнуть...

— Так уж и со спокойной? — включился вдруг в голове внутренний голос. Уж не знаю, был ли он всегда, или достался мне в виде подарка после того ранения, забравшего мою память, но этот вьедливый, ироничный голос, звучащий у меня в голове и все поддающий сомнению, появлялся всегда не вовремя.

— А что ж мне, в мокрых штанах на праздник идти, детям на смех? — возразил я ему почти сердито.

— Ну, дети или не дети, а злючка Линсей наверняка издеваться будет, — неожиданно

согласился он.

Мы оба замолчали.

— Чужой я здесь, — вдруг неожиданно сказал я, обращаясь то ли к внутреннему голосу, то ли просто к старому дереву, что распростерло надо мной свои ветви.

Дерево, наверное, согласилось, потому что тонкие веточки закачались, как бы кивая.

Но лазурное небо, что простерло свои крылья от холма до холма над моей головою, светилось такой беззаботной радостью, словно хотело сказать: «Ну какие твои заботы, Шрам? Наслаждайся жизнью, а там видно будет».

И, вглядываясь в его ясную высоту, я неожиданно задремал...

Когда я проснулся, желтый мячик солнца уже перебежал полуденную черту.

— Мрак меня покрой! — крикнул я, мигом подхватившись и уже стягивая с ветки полностью сухие штаны. Ничего себе, отдохнул! Эт же опять скажут, что Шрам нарочно не пришел на молитву, еще и отступником, чего доброго, назовут.

И, понимая, что моя поспешность уже все равно ничего не исправит, тем не менее я понесся к деревне, как только мог.

«Наверное, они уже за столами. Может, моего отсутствия и не заметят? Или соврать, что у меня

рана разболелась? Все равно не поверят...» — с такими мыслями я наконец спустился с холма, подходя к главному месту в деревеньке — к Храму Судьбы — небольшой деревянной постройке с широкой площадью возле нее, которая сейчас, по случаю праздника, была уставлена скамьями и длинными узкими столами с угощением.

Вся деревня, конечно же, была здесь. Но не успев еще толком приблизиться, я понял, что что-то не так.

Еда стояла нетронутой, и люди, кажется, совсем забыли о ней — все почему-то сбились в кучки и что-то живо обговаривали. И даже неугомонные дети в большинстве стояли почти молча рядом со своими семьями, словно их и не было. Но самое главное — молчала музыка — обязательный атрибут любого празднества. Правда, звуки, издаваемые двумя несчастными, давно пережившими свою молодость инструментами назвать музыкой было бы большой для них честью, но — теперь и они лежали в сторонке без дела, а музыканты — два бородатых брата-пастуха, такие же древние, как и их инструменты, тоже увлеченно размахивали руками, участвуя в общей беседе.

И уже подойдя совсем близко, я заметил растерянность и слезы на лицах у нескольких человек — и не все они были женщинами.

— Нельзя плакать... Таковы дороги Судьбы, и

не нам судить о них...

Я не смог отыскать в толпе учителя, и потому подошел к Малике — розовощекой девчонке, одной из учениц нашей школы.

— Малика, что здесь стряслось? Я пропустил что-то интересное?

— Как, ты не знаешь?

— Ну, я там немного задержался...

Но она меня даже не дослушала:

— Линсей — ведьма! Приехали служители Храма из Семиглавца и забрали ее с собой!

— Длиннорясые забрали Линсей? Эт что, шутка такая? — заморгал глазами я, ничего не понимая.

— Никакая она не ведьма! — Лив, бледный, со сжатыми кулаками, подскочил к Малике, едва сдерживаясь, чтоб не ударить ее, словно она была виновата во всем, что случилось.

— Это ошибка! Они поймут это и отпустят Линсей домой!

Малика втянула голову в плечи и шмыгнула прочь от разъяренного парня, который едва сдерживал злые слёзы.

Мне стало жаль его — даже я не мог не замечать раньше, как он смотрел на Линсей во время уроков...

— Так что на самом деле произошло? — обратился я уже к нему.

— Не знаю... — Лив вдруг поник, словно с него сдули весь воздух.

— Приехали служители Храма, когда мы все молились. Сказали, что ищут опасную ведьму, которая сбежала из тюрьмы, и велели всем молодым женщинам и девушкам стать отдельно. Они посмотрели на них, а потом выбрали Линсей. Сказали, что она похожа на ту, которую они ищут, и забрали ее в город.

— И что, никто не попробовал за нее заступиться? Ведь она же выросла здесь, все ее знают... Как она может быть сбежавшей ведьмой? Даже ты, Лив, молчал?

Парень растерянно развел руками.

— Что я могу против служителей Храма? Мы обязаны им подчиняться...

— Но это же несправедливо! — вдруг со внезапно нахлынувшей злостью прорычал я.

Наверное, я сделал это так громко, что все вокруг вдруг замолчали и обернулись ко мне.

— Это несправедливо, — упрямо повторил я, — ведь все равно отступить было поздно. — Как вы могли отдать одну из своих длиннорясим? Мрак его знает, зачем они ее туда повезли и что они там с ней сделают!

— Дороги Судьбы темны для нас... Может, такова ее судьба... — сказала одна женщина, опустив глаза.

— Но вы даже не попытались остановить их!

— Мы не вправе, — вздохнул поселковый голова. Если такова воля Судьбы, мы должны покориться.

— А как же Линсей?

— Они поймут, что это ошибка, и отпустят девочку домой, — ответил он.

— Вы в этом так уверены?

На этот раз мне никто не ответил. Люди просто отводили глаза, встречаясь со мной взглядом.

И так вдруг сделалось невыносимо тоскливо, что я просто отвернулся и пошел прочь.

Никто и не пытался меня остановить.

* * *

— Шрам, не будь дураком, останься. Чего тебе там делать, в городе? Думаешь, жрецы Судьбы будут тебя слушать? Да тебя и на порог к городскому Хранителю Храма не пустят!

— Эт мы еще увидим, кто кого не пустит, — под нос буркнул я, с силой отряхивая пыль со своей дорожной котомки — она болталась у меня на плече, когда меня нашли в поле еле живого еще не так давно. Кроме дорожной фляги и недавно подаренной учителем рубашки мне туда положить было нечего, поэтому сборы не заняли много

времени. Конечно, немного еды в дорогу мне бы не помешало, но глядя на посуровевшее лицо учителя Треша, просить еду мне расхотелось.

— Голова тебя не отпустит.

— Эт я у него спрошу, — упрямо огрызнулся я и отправился на двор за топором — он уж точно мне в дороге не помешает. Думаю, за время своей работы на общее благо здесь, я его уже отработал.

Учитель Треш все это время молча ходил за мною, словно боялся, что я чего-нибудь стащу.

— Не пожелаете мне доброго пути, учитель? — спросил я, уже стоя возле хлипенькой калитки. Все-таки, он был мне самым близким человеком за все время моей жизни в деревне.

Но он только покачал головой.

— Нет доброго пути сошедшему с тропы Судьбы...

— И вам счастливо оставаться, — вздохнул я.

Пройдя немного по дороге, я, подумав, свернул к дому Лива. Увидев меня с дорожной котомкой на плече, парень вышел сам.

— Шрам, куда это ты собрался?

— Идем со мной. Я иду в город, чтобы разобраться насчет Линсей.

Глаза Лива сделались круглыми от удивления.

— Ты ничего не сможешь сделать!

— Я это уже слышал. Но тогда и никто не сможет, — развел руками я.

— Но только не потому, что эт невозможно, а потому, что никто и не пытается. А девчонка пропадет там в тюрьме... Пошли со мной.

Кровь прихлынула парню к лицу; на пару мгновений он как бы оцепенел, но потом только бессильно затряс головой.

— Идти туда... Это безумие.

— Ага, благоразумнее переждать здесь, пока она там благополучно окочурится, — язвительно вставил я.

— Потому что такова воля Всеблагой Судьбы, которую никто не видел. Все понятно... Я иду один.

— Голова все равно не отпустит тебя! — выкрикнул Лив мне вдогонку.

«Поэтому я к нему и не пойду», — подумал я в ответ, сворачивая на дорогу, ведущую к лесу.

Уже отошед достаточно далеко от деревни, я позволил себе сесть у дорожного столба и собраться с мыслями.

До сих пор я не искал дорогу, ведущую в город, и шел просто по наитию — как оказалось, в правильном направлении. Так было высечено на столбе, стоящем у дороги. Хоть какая-то польза от умения разбирать эти мраковы буквы...

До Семиглавца для пешего путника, если верить рассказам местных — а ходить туда самому мне пока не доводилось — около двух дней пути. Значит, я дойду за полтора. Вот только топать на пустой желудок как-то невесело. Да и солнце уже начало склоняться к вечеру — так что уйти далеко я не успею, придется ночевать в лесу.

Но эта мысль меня только обрадовала; не заглядывая далеко вперед, я решил пройти немного лесом, а потом обустроить себе место для ночлега и, возможно, раздобыть чего-нибудь на зуб...

Не сомневаясь больше, я сошел с дороги и углубился в лес, следуя, однако, протоптанной тропинкой.

Я не представлял, что буду делать в городе, когда доберусь туда, но от самого воплощенного решения отправиться в путь на душе стало легко и ясно. Я должен туда пойти, должен вмешаться, даже если моя попытка не увенчается успехом...

— А может просто ты наконец дождался подходящего случая, чтобы убраться из деревни? — снова проснулся мой внутренний голос, и возразить ему мне было сложно. Может, он и прав, и я только ждал подходящего случая, чтобы отправиться на поиски себя. Но точно я знал только одно — назад я уже не вернусь, что бы ни ждало меня там, впереди.

Пройдя по лесной тропинке уже достаточно

далеко, я вдруг остановился — непонятный, но до боли знакомый запах впивался мне в ноздри и влек за собой. Терпкий аромат разливался в воздухе, смешиваясь с избытком запахов лесных трав и древесной коры. Что же может так пахнуть? Я принюхался, согнувшись, и вскоре просто ткнулся носом в источник запаха — серо-зеленый жилистый корень, который торчал из земли в компании себе подобных прямо у меня под ногами. Его вид ни о чем мне не говорил. Я вытащил его и стал разглядывать. Откуда мне так знаком этот запах?

Вдруг перед глазами мелькнула картинка — догорающий костер, и коренья, лежащие на углях и пахнущие именно так! Все это продолжалось не более мгновения, но от неожиданности я чуть не упал на землю. Силы небесные! Неужто память возвращается ко мне?

Решив не пренебрегать ее подарками, я набил кореньями свою котомку и отправился дальше.

Но едва я успел сделать сотню шагов, наслаждаясь видом лучей заходящего солнца, которые, пробиваясь сквозь тонкую зелень листвы, одевали лес цветами золотистого меда, как очередной подарок дороги свалился мне на голову.

Свалился в буквальном смысле — я едва успел услышать над головой треск ломающейся ветки, а через миг уже держал в руках эту самую ветку вместе с... мальчишкой, который вцепился в

нее мертвой хваткой.

Сначала мы оба молча смотрели друг на друга.

Первым опомнился он.

— Уф... А я уже думал, что убился, — улыбнулся он совершенно искренней улыбкой.

— Ага, а я Страж Судьбы, встречающий тебя у Пределов, — буркнул я.

— Что эт ты делал там, на дереве?

— От тебя прятался — засмеялся он. — Я услышал, что кто-то идет, залез на дерево, а тут эта ветка — хрясь! И я падаю прямо тебе на голову.

— Да уж, моей голове только тебя не хватало, — я наконец опустил сорванца на землю и отряхнул с башки обломки коры.

Не зная, о чем говорить еще, я просто пошел дальше.

Немного постояв в нерешительности, мальчик решил меня догнать.

— А почему ты не спрашиваешь, что я делаю тут, в лесу? — спросил он.

— А какое мне дело?

— Тебе и вправду все равно? — удивился он.

— Все равно. До тех пор, пока ты мне не мешаешь, — ответил я, не сбавляя шагу.

— А куда ты идешь?

— А вот эт уже не твое дело. Топай своей дорогой, а я своей.

Парень сначала было остановился, но потом все равно побежал за мной.

— А вдруг нам по пути?

— А с чего ты решил, что мне нужен попутчик?

«Попутчик нужен ему, тупая башка», — включился внутренний голос, но я догадался об этом и без него. И вправду, что делает ребенок один, в лесу вечером? Ближайшая отсюда деревня — та, откуда пришел я, и этот мальчишка точно не оттуда. Ну, или раньше я его просто не видел.

— Мне вообще-то в Семиглавец нужно. А тебе куда?

— Мне... Дальше. Но сначала тоже до Семиглавца, — обрадовался постреленок.

— Так можно мне идти с тобой? Обещаю, я буду вести себя тихо.

— Ладно... Иди себе, если обещаешь, что больше не будешь прыгать мне на голову.

— Обещаю, — согласился он с видимым облегчением.

— Как зовут тебя?

— Симон, — мотнул лохматой головой малец.

— А тебя?

— Шрам.

— Шрам? Что за имя такое?

— Ты же обещал, что будешь молчать!

— Уже молчу!

Я вздохнул и только теперь разглядел его повнимательней. На вид — лет десяти, или и того меньше. Одет бедно, чтоб не сказать хуже — в ношенные рубаху и штаны из грубого серого полотна. Через плечо — тощая дорожная сумка. Светлые волосы, торчащие вихрями в разные стороны, щуплые плечи... И только глаза на детском лице — и открытые, и настороженные одновременно — чем-то притягивают к себе.

В общем, на обещание молчания рассчитывать вряд ли придется...

* * *

Сухие сучья быстро объял огонь и начал с удовольствием их облизывать. Теперь можно было протянуть к огню ноги и отдохнуть.

Мальчишка сел рядом со мною.

— Эх, поесть бы чего-нибудь, — он похлопал себя по тощему животу под грязной рубахой и состроил кислую гримасу, сам исподтишка с надеждой поглядывая на меня.

Я достал свою котомку и вытряхнул оттуда приличную кучку серо-зеленых кореньев, а потом вынул нож и начал осторожно обрезать грубую верхнюю кожуру, оставляя только мягкую сердцевинку.

— Что это? — Симон с подозрением покосился на коренья.

— Это наша еда, — удовлетворенно улыбнулся я. — Пускай деревяшки еще немного перегорят, чтобы осталось побольше жара, а потом мы положим на угли эти корешки и прекрасно ими пообедаем. Сегодня по дороге нарыл в лесу.

— Да... А как они называются? — мальчик с сомнением повертел в руках один корешок.

— А мрак их знает, — вздохнул я.

Мальчишка часто заморгал глазами. Даже веснушки на его загорелом лице, кажется, побледнели от удивления.

— Ты чего, не знаешь, как это называется и собираешься это есть? А вдруг это отравя?

— Да какая отравя... Зарываешь его в жар, он набухает, а потом жрешь и ложишься спать, а не воешь ночью от голода. Впрочем, не хочешь — можешь не есть. Мне больше достанется.

— Да ну, ладно тебе, не сердись. Просто откуда ты знаешь, что их можно есть?

Я пожал плечами.

— Просто знаю, и все. То есть, я сначала не знал, а потом шел по лесу, споткнулся о такой вот корень, и тут — бац — знаю, что на вкус они как грибы.

— А разве такое бывает?

— Бывает... Со мной бывает.

Серые глаза Симона от удивления стали еще больше.

— Понимаешь, если тебя треснуть по башке чем-то очень тяжелым, но ты после этого ноги не протянешь, то может случиться так, что через эту самую трещину в голове все твои воспоминания поразбегаются, — попытался объяснить я.

— Вот это, наверное, и случилось со мной. Но иногда я что-то знаю наверняка, даже если никогда раньше мне не доводилось об этом слышать. Наверное, это потихоньку возвращается память... Хотя и в этом я не уверен.

— А кто же тебя это... Ну, стукнул по башке? Ты его помнишь?

Я покачал головой.

— Нет. Но надеюсь, что обязательно вспомню когда-нибудь. А может и не вспомню... Какая разница? У меня есть мой сегодняшний день, и чтобы лишить меня и его тоже, желающим придется потрудиться. А то, что прошлое пропало... Что ж, могло быть и хуже. Я мог остаться калекой, или идиотом. Но руки-ноги целы, голова кажись тоже на месте — значит, все в порядке.

— Так ты совсем-совсем ничего не помнишь?

— Совсем... И давай не будем об этом, ладно?

Симон послушно кивнул своей лохматой головой, но уже через минуту на его языке снова

вертелось тысяча вопросов.

— А что за девушку ты хочешь разыскать в городе? Она там живет?

— Нет. Это девушка из нашей деревни. То есть... Меня нашли в этой деревне — в Озерке, выходили. Я жил там до сих пор, пока не пришли жрецы Судьбы и не увезли Линсей с собой.

— Жрецы Судьбы? А почему они это сделали?

Огонь уже опал, и я бросил сверху на угли горсть кореньев. Бодрящий, пряный аромат сразу же распространился во все стороны.

— Они решили, что Линсей — какая-то беглая узница, или ведьма, я так полностью и не понял. И они забрали ее, наверно, в тюрьму.

— А она на самом деле...

— Да о чем ты говоришь? — даже такая мысль вызвала у меня возмущение.

— Все время, которое я тут прожил, она вертелась у меня перед носом. Дразнить и издеваться — эт да, эт — сколько хочешь, у нее язык — как осиное жало. Но чтоб ведьма... Она местная, родилась и выросла тут, ее родители живут на холме, у нее куча родственников. И не могла она сбежать ниоткуда, потому что никуда не уезжала из этой своей деревни. Как они могли так перепутать? И какая из Линсей ведьма? Она же топая, как топорище. Все ее мысли прямо на

мордашке написаны. Разве что мордашка эта самая симпатичная, и все...

— А жители деревни что? Засомневались в ней?

— Да какое засомневались! Все как один уверены, что это чья-то дурацкая ошибка.

— Так почему же тогда за нее никто не заступился?

Я вздохнул и вытащил из костерка первый корень — этот одуряющий запах съестного уже невозможно было терпеть. Желудок отозвался нетерпеливым ворчанием, когда я с удовольствием вонзил зубы в мягкую терпковатую массу.

— Спроси чего попроще, парень. Этого я и сам не понимаю. Они просто стояли и смотрели, как стадо баранов, как ее запихивают в арбу и увозят.

— Даже ее родители?

— А еще братья и сестры, и вся деревня в придачу. Жрецы явились как раз во время богослужения. И все деревенские просто стояли и смотрели.

— А где был ты?

— Я немного опоздал... Ну, проспал я... Может, потому что мне жутко не хотелось туда идти. Все эти песни-завывания, гимны-восхваляния... Да и петь я сосем не умею. А когда узнал, то было уже поздно.

— И ты бросился за ними в погоню? И тебя отпустили из деревни?

— Угу, и благословили в придачу... Просто сам взял и ушел.

— Ты ее, наверное, очень любишь...

От таких слов глаза у меня полезли на лоб, и я едва не подавился недожеванным корнем.

— С чего это ты решил, что я ее люблю? Да я терпеть ее не могу! Скорее даже ненавижу. Она вечно прыгала перед глазами, как надоедливая мошка, стараясь побольнее укусить. Вот уж за кем бы я не плакал, окажись она и вправду какой-то там отступницей.

— Тогда зачем ты идешь за ней? Зачем ты идешь ее спасать, рискуешь, самовольно уходя из деревни. Ты же даже толком не знаешь, где искать ее. Зачем она тебе?

— Зачем... — Я вздохнул. — Понимаешь, если бы ее отец или ее братья, или там возлюбленный какой-нибудь отправился ее искать — я бы только помахал им ручкой и пожелал доброго пути. Но никто этого не сделал. Получается, девчонку там запытают до смерти, или просто в яму бросят ни за что — ни про что, и никому до этого дела нет! «Ничему не противься, ничего не отвергай. Судьба сама позаботится о тебе наилучшим образом» — вот их основное правило. И если Линсей забрали, то это не потому,

что какой-то дурак чего-то там напутал, а такова судьба! А дороги Судьбы непонятны смертным, и остается только принять все, как есть.

— Судьба! Это значит, что если я лягу тут в лесу под деревом, вместо пытаться раздобыть что-нибудь съедобное, то оно само прибежит мне в рот, потому что Судьба обо мне заботится? Или если сюда прибегут волки, то я не должен хотя бы попытаться влезть на дерево, чтобы спасти свою шкуру, а должен позволить им меня съесть — ведь если волки прибежали именно ко мне, то такова моя судьба — быть съеденным волками? Да это же бред! Любой здравомыслящий житель этой земли, каким бы религиозным он ни был, попытается спастись, если на него нападут, а уже потом — начнет просить прощения у Судьбы, что сошел с ее пути... Но перед этим при встрече с волком он проткнет его рапирой или хотя бы затащит свою задницу на дерево!

Симон вдруг засмеялся — так громко и заливисто, что я невольно и сам улыбнулся. Подступившая было злость начала таять.

— Чего ты смеешься? Бери лопай, пока горячие — горячие вкуснее. Да и когда застынут, не очень ты их укусишь...

— Просто ты так красочно описал вероотступничество... Чего доброго, тебя самого в яму засунут, если кто-нибудь услышит.

— А за что меня в яму? Я никому жить не мешаю, ничего плохого не делаю. А чего я там себе думаю, то эт мое дело. Я ведь вообще ущербный, непомнящий — чего с меня взять?

Я вздохнул.

— Но девчонку надо найти и выволить. Потому что больше никто этого не сделает. Убеждения у них такие... Да мрак с ними, с этими убеждениями, а когда твою дочь или сестру увозят какие-то закутанные... Вот мать ее — просто стоит и плачет. А когда я сказал, что иду за Линсей, то все на меня смотрели, как на сумасшедшего, и она тоже. Правда, когда я уже собрал котомку и пошел, она подбежала и шепотом, чтобы никто не слышал, сказала что будет молить Судьбу обо мне... Благодарен очень. Лучше бы она вместо этого кусок хлеба дала мне в дорогу... Как был, так и ушел голодным, топор вот только прихватил. Хотел бы я посмотреть на того, кто запретил бы мне его взять, — добавил я слегка самодовольно.

Симон наконец решился попробовать мое блюдо и осторожно откусил кусочек. Но, распробовав, стал без стеснения набивать себе рот горячими кореньями, и поток вопросов с его стороны на время прекратился.

— Да не спеши ты так, а то еще подавишься. А меня обвинят в том, что я захотел тебя зажарить на обед, и тогда точно бросят в яму.

— Не смешно... — пробормотал Симон с набитым ртом. — Я слишком худой, чтобы интересоваться тобой как едой...

— Это уж точно...

Я только покачал головой, наблюдая, с какой жадностью мальчишка набивает себе рот.

— Ты ел когда в последний раз?

— Не помню... Позавчера, кажется... немного. А ты научишь меня искать эти корни?

— Научу... Ты пока ешь, а я пройдусь наберу еще веток.

Когда я вернулся с огромной охапкой — чтоб на дольше хватило — веток, Симон уже свернулся в клубочек на траве возле самого костра с самым что ни на есть блаженным видом.

— И давно уже ты странствуешь? — спросил я, бросая немного веток на съедение огню. Тот принял подношение с удовольствием и тут же поднялся вверх, окутывая наши тела приятным теплом.

— Не очень, — признался мальчишка. — Я из Костриц, это отсюда недалеко.

— А то я смотрю — кожа да кости...

— Да я всегда был таким, — безразлично пожал плечами Симон. — Я ведь вообще-то из дома ушел, — вдруг признался он.

Я только крикнул, покивав головой в ответ. Такое действие и для взрослого считается почти что

преступлением, а тут — малец, да еще такой заморыш.

— Совсем ушел?

— Совсем. А меня бы все равно братья придушили где-нибудь...

— Эт за что же так?

— Они мне не родные. Я жил раньше в городе, Дубки называется — маленький город. Я его помню слабо, хорошо помню только пожар... Наверное, тогда я и потерялся из дома. Потом бродяжил долго, ходил по разным дорогам... Кажется — очень долго... А потом меня нашла моя сестра, и сказала, что заберет к себе домой. Они с мужем живут в том же городе, на улице башмачников. Мы с ней шли в город, но по дороге что-то у нее случилось. Мы зашли в Кострицы — как сестра сказала, к родственникам. К тете Руди. Она попросила меня подождать — день, или два, пока она за мной вернется. А тетка согласилась, чтобы я у них пожил.

Симон судорожно вздохнул.

— Но она не вернулась... А тетка меня возненавидела.

— Вот я и решил пойти в Дубки, и сам найти ее там. Пускай она немного поругается — а потом все равно простит — она добрая. Только ты это... не говори никому, что я сбежал, а то меня еще назад отправят, — добавил Симон, уже зевая.

— А эт не мое дело, — честно сказал я. У тебя своя дорога, у меня своя. Мне только до Семиглавца добраться. Хочешь — иди со мной. А дальше — как умеешь.

Молчание Симона могло значить только одно — мальчишка уже спал, разомлев от еды и от ощущения относительной безопасности в моей компании.

Я и сам почему-то дико захотел спать; положив топорик наподхвате, я и себе устроился на лесной перине из листьев и травы. И, засыпая, я успел поймать какой-то то ли обрывок воспоминания, то ли мысль, что такие ночевки мне не в новинку и что когда-то мне нравилась походная жизнь...

* * *

— Мне — к барону, решительно заявил я, глядя сверху вниз на щупленького лысоватого человечка — видимо, одного из слуг. В его глазах я прочитал желание поступить со мной так же, как он обычно поступал в таких случаях — отослать наглого пришельца куда подальше, используя свою власть — беречь покой своего господина.

Но это был не тот случай.

— А... вам назначена аудиенция? — пропищал человечек.

— Ау... Чего? Ничего мне не назначено. Но у меня для него важное донесение, которое я могу передать только лично, — для пущей важности я напыжился — под стать дотошному хранителю бароньего покоя. Но, видимо, человек был согласен мне поверить и так.

— Тогда — проходите.

Довольно долго я шел за ним по коридорам красиво обставленного высокого дома, с каменной кладкой стен и натертыми до блеска досками деревянного пола, сопровождаемый иногда пристальными взглядами слуг. Перед высокой резной дверью мы остановились.

— Подождите, я доложу о вас, — почти что прошептал слуга и юркнул за дверь.

Еще через минуту она открылась.

Вздохнув, я решительно переступил порог и оказался в просторной комнате, что, по видимому, служила кабинетом хозяину. Высокий немолодой мужчина с растрепанными волосами и длинным шрамом через всю щеку поднял на меня тяжелый взгляд. Его этот шрам почему-то сразу расположил меня к барону — видать, не один я хватил по роже в пылу боев... Но хозяину кабинета, кажется, было абсолютно плевать на наши «похожести».

— Ну, и что же это за донесение такое, ради которого я должен терпеть орка? — голос барона оказался низким и хрипловатым, словно у того

была простуда.

— Ваши люди, господин, схватили по обвинению в колдовстве одну девушку из Озерка — это деревня не очень далеко отсюда. Но это ошибка — она местная, вся деревня ее знает, и каждый может поручиться за нее.

— И это — та новость, с которой ты пришел? — лицо барона исказила гримаса презрения.

— Вышвырните его вон отсюда!

Двое стражников, вооруженных длинными ножами, обнажая на ходу оружие, направились ко мне — но в их движениях не было уверенности — все-таки я был на голову выше каждого из них, и раза в два шире в объеме. И только барон, кажется, не испытывал никакой боязни.

Но я пришел сюда не драться.

— Хороший правитель должен заботиться о тех, кем он правит! Иначе где же еще искать справедливости? — словно не замечая стражников, продолжил я свою речь, адресованную барону.

— Значит, ты пришел обвинять меня в несправедливости? — презрение в голосе вельможи сменилось чем-то похожим на интерес.

— Чтобы обвинять, надо иметь доказательства вины другого. А к вам я пришел, чтобы искать помощи — пропадет ведь девчонка ни за что. Неверно это.

Двое молодцов с ножами уже наставили на меня свои лезвия, но вместо скомандовать о нападении, барон вдруг махнул рукой, отгоняя их, словно собак.

— Хм... Тебе и вправду так дорога эта девушка, что ты пришел ко мне... сам? Или тебя послал голова поселка?

— Нет-нет, — я замахал руками, — никакой вины головы Озерка нет — они все богобоязненные люди... и сидят тихо, как мыши... Даже если одну из них будут резать, — тихо добавил я.

Барон вдруг рассмеялся.

— И где это ты такой выискался, в Озерке? Что-то я не слышал об орках на моих землях.

Я только развел руками в ответ.

— Я не меньше вашего хотел бы знать... Да вот — мне наголову что-то свалилось, или драка какая была... Но только я помню себя уже в Озерке. А что раньше — мрак его знает.

Стражники все еще стояли между нами, недоуменно переводя взгляд со своего хозяина на меня.

— Ладно. Если тебе так дорога справедливость, — хмыкнул он... — Но аресты проводил не я, а служители церкви.

— Но действовали они по вашему приказу — как можно мягче возразил я.

— Ей, кто-нибудь!

Тотчас откуда-то из-за спины барона выскочил тот самый маленький человечек.

— Пошли стражей в городскую тюрьму! Пусть приведут ко мне эту... как ее зовут? — этот вопрос уже был обращен ко мне.

— Линсей! Линсей из Озерка, — едва скрывая радость, ответил я.

Человечек кивнул и тут же скрылся.

— Ну, а ты можешь пока подождать... Отведите его на кухню — пусть там дадут поесть этому защитнику.

— Благодарю, господин, — как мог, галантно я поклонился.

— Пока не за что. Иди поешь, тебя позовут — махнул рукою барон.

Послушно следуя за кем-то из стражников, я потопал на кухню. Неужели все оказалось так просто? Барон — разумный человек, он должен отпустить девушку, как только узнает все. Ведь подозревать в ведовстве Линсей... то же самое, что обвинять меня в следованию моде — эти два понятия несовместимы.

Большая миска каши и половина хлеба на пропахшей горячим супом, свежим мясом и горьковатыми травами кухне утолили мой голод и подняли настроение.

Так что когда меня снова позвали к барону, он

внушал мне еще больше доверия.

Едва я вошел в кабинет, где в удобном кресле, покрытом волчьей шкурой, расположился барон, как дверь за моей спиной снова раскрылась и стражники грубо втокнули вовнутрь растрепанную Линсей. Ее длинные светлые волосы, теперь спутанные, безвольно свисали по плечам, замызганное праздничное платье приобрело жалкий вид, а на осунувшемся, со следами недавних слез лице застыл неподдельный страх. Мое сердце вдруг сжалось от жалости при виде ее.

Барон молча окинул девушку изучающим взглядом.

— Это и есть эта самая твоя...

— Линсей, — подсказал я. — Да, это она.

Девушка, кажется, только сейчас меня заметила и уставилась, как на привидение — глаза ее еще больше округлились.

— Что-то я не вижу, чтобы она тебе обрадовалась, — хмыкнул барон.

— А чего ей радоваться? Если ее жизнь — на волоске...

Линсей, до сих пор соображавшая, в чем тут дело, видимо сообразила — и предприняла отчаянную попытку спасти себя — опрометью бросилась к барону и упала перед ним на колени. Стражники тут же бросились за ней.

— Господин, прошу вас — спасите меня! Я ни в чем не виновна! Молю вас — сжальтесь надо мною!

Стражники грубо оттащили ее от барона, приказав заткнуться по-доброму.

На самого барона эта сцена никак не подействовала — его взгляд почему-то больше изучал меня, чем трясущуюся Линсей.

— Хорошо, может быть, я тебе и поверю... — лениво протянул он, не глядя на девушку. — Только сначала расскажи мне... вот о нем, — барон указал рукою на меня. Линсей непонимающе заморгала глазами; я тоже был несколько удивлен.

— Ч... Что мне рассказать о нем?

— Ну, как его зовут, например?

— Шрам его зовут, — вытерев слезы, сообщила Линсей. Его в поле нашли — помирал он там. Дырка в спине у него была от копья. А учитель выходил — орк сильный оказался. Вот и жил у учителя, и учился вместе с ними в школе.

— Вот как... И хорошо учился?

Теперь уже моргать пришлось мне — я пока еще не мог понять, что за игру ведет барон.

Зато Линсей немного осмелела:

— Да какое там... Тупой он. Два слова из гимна запомнить не может.

Ну это была уже наглость! Я тут пришел спасти ее, всем рискуя, а эта мелкая мошка...

Наверное, все мои мысли отразились на моей роже, так как Линсей вдруг заткнулась, а барон рассмеялся.

— А почему именно он пришел заступиться за тебя? — спросил он, теперь уже глядя на Линсей.

— Не знаю... — честно ответила девушка.

Барон хлопнул руками о перила и поднялся с кресла.

— Что ж... Похоже — вы оба не врете. Но... Не все так просто. Если бы это была моя затея — ловить по деревням девок, то я сразу отпустил бы вас обоих в этот ваш Озерок с миром. Но!

Барон резко повернулся ко мне.

— Если ты действительно хочешь спасти ее — тогда тебе придется помочь мне в одном деле.

Я только развел руками — выбора у меня не было.

— Что я должен сделать?

— А вот об этом мы поговорим с тобою наедине.

— Эй, отведите девушку... пока — на кухню. Пусть ее там покормят. И сторожите ее, пока я не отдам других приказаний. А нам принесите чего-нибудь выпить.

Стражи вместе с Линсей быстро удалились, закрыв за собой дверь, а барон снова вернулся в свое кресло.

Мне не оставалось ничего другого, как взять

скамейку и сесть недалеко от него. Тут же в комнату впорхнула служанка с подносом, на котором возвышался пузатый кувшин и два увесистых каменных кубка.

И только когда она тоже тихо исчезла, барон начал разговор.

— Силы тебе не занимать, смелости тоже... Такой че... — он осекся, едва не назвав меня человеком.

— Такой кто-то мне и нужен.

Барон уставился на мое порезанное шрамами лицо — от этого пристального взгляда мне стало немного неуютно.

— Для того, чтобы вести разговор дальше, мне придется раскрыть тебе одну тайну. Готов ли ты хранить молчание потом, вне этих стен?

— Готов, — согласился я. — И, как я понимаю, выбора у меня все равно нет, — высказался я прямо.

Барон снова улыбнулся и достал из кармана небольшой округлый предмет, оказавшийся рисованным портретом. На меня из него смотрела молодая девушка с немного бледноватым лицом, соломенного цвета волосами и большими голубыми глазами.

— Что ты скажешь о ней?

— Повертев портрет в руках, я пожал плечами.

— Обычная девушка, как все. Не красавица, но симпатичная. Глаза умные — или художнику хорошо заплатили...

Барон рассмеялся снова и даже ударил меня по плечу.

— Не думал, что у орков бывает чувство юмора...

Но тут лицо его снова стало серьезным.

— Эта, как ты говоришь, обычная девушка — опасная ведьма и преступница, сбежавшая от властей. Стало известно, что вместе со своей бандой она скрывается где-то здесь, в наших краях, вероятно, прикрываясь чужим именем. В ее поимке заинтересован первый министр королевства — и он обещает большую награду в случае успеха и большие проблемы — если такового успеха не будет...

Барон вздохнул.

— Поэтому и проверяем всех похожих на нее.

— Но Линсей — не...

Но барон отмахнулся от моих слов:

— Ходят слухи, что эта женщина, которую разыскивают — зовут ее Ая, искусно владеет магией. Она может внушить людям то, чего на самом деле нет, или наоборот. И наша задача — найти ее как можно скорее, пока она не натворила таких же бед, как и в Керне.

Вот в этом ты мне и поможешь —

неожиданно подвел итог мой собеседник.

— И как это у меня получиться? — удивился я.

— Я должен буду ходить по поселкам и заглядывать в каждую конуру — есть ли там ведьма?

— Нет, это уже делают и без тебя, — вполне серьезно ответил барон.

— И пока результатов нет. Тут надо мыслить шире — возможно, она давно покинула наши края и находится в совсем другом месте. Чтобы ее найти, надо знать, что ей нужно.

— Ну и что ей нужно?

Барон снова вздохнул.

— Тут я знаю не больше, чем теперь — ты. Но есть человек, который в этом тебе поможет и, возможно, подскажет, где ее надо искать.

— Так... — вздохнул я. — Значит, я должен найти эту ведьму?

— Это было бы прекрасно, — согласился барон.

— Но если это тебе не удастся, ты должен хотя бы отыскать то, за чем она сюда приезжала.

— Значит, она не просто скрывалась в окрестностях Семиглавца, она что-то здесь искала? — уточнил я.

— Да. И найти это что-то будет равносильно поимке ведьмы, — выдохнул барон.

— И еще, — добавил он, пристально глядя мне в глаза, — как я уже говорил, награда за ее поимку назначена... очень большая. Половина будет твоей, — отчеканил он.

— Я не жадный человек, и мне не нужны лишние волнения и смута в моих землях. — Если ты добудешь — неважно, эту самую Аю, живой или мертвой, или то, что она искала — то станешь богат. Так что тебе есть ради чего стараться.

— А Линсей?

— Ну, сам понимаешь, я не могу просто так отпустить ее. Но она будет в безопасности — здесь, у меня, пока ты не вернешься.

Я вздохнул. Отступать было поздно. Теперь Линсей станет заложницей у этого вельможи, и это будет гарантией того, что я просто так никуда не денусь. Но это было все же лучше, чем тюрьма.

— Я согласен. Когда я смогу встретиться с тем человеком?

— Не спеши — он найдет тебя сам, — похоже, барон и ожидал такого ответа и был рад ему.

— Я дам тебе немного денег — на первое время, — продолжал он.

— Остановись пока где-нибудь в городе, пока не встретишься с ним, а потом — сам решай. Но помни — если ты не вернешься — твоя эта девка вернется снова в тюрьму. А там — бывает всякое...

- Понял, — кивнул я.
— Значит, договорились?
— Договорились.

Наверное, это был первый раз в жизни барона, когда он пожимал руку орку и при этом был таким довольным.

* * *

...Мутного лунного света, что пробивался через узкую прорезь окна, было достаточно, чтобы рассмотреть ее. Всю, полностью, до последней черточки идеального тела, прикрытого длинным струящимся платьем. Ровные черные волосы покрывали плечи; на изящных пальцах поблескивали искорки перстней.

Я мог бы поклясться, что не видел ее раньше — такую женщину я не смог бы не заметить — хотя бы потому, что трудно пройти мимо настоящей красоты.

А теперь это прекрасное видение стояло на пороге моей комнаты в дешевой ночлежке на окраине города. Слишком прекрасное, чтобы существовать в моей реальности...

Я вздохнул и снова отвернулся к стене, лежа на место свой неизменный топор, который сразу оказался в моей руке, лишь раздался шепот

невесомых шагов за дверью.

— Не слишком ты гостеприимен, — отозвался глубокий насмешливый голос.

Я почему-то вздрогнул от его звука, хотя он и не был мне знаком.

— Спокойной ночи, — буркнул я. — Комнаты бравых вояк дальше по коридору.

— Ты считаешь меня пьяной шлюхой, которая ошиблась дверью? — теперь в ее голосе звучало холодное недоумение. Это уже заставило меня подняться с постели.

Я еще раз пристально посмотрел на свою неожиданную гостью, хотя этого и не требовалось — с первого же взгляда я мог бы сказать, что она могла быть кем угодно, но только не девкой легкого поведения. Слишком уж много внутреннего достоинства читалось во всех ее движениях.

— Нет, — честно ответил я.

— Но на девчонку, которой нечем заняться, кроме как подразнить усталого орка, ты тоже не похожа.

— А почему ты решил, что я пришла, чтобы над тобой посмеяться?

— А зачем еще?

Несколько минут мы молча смотрели друг на друга. Этого хватило, чтобы я мог с уверенностью сказать, что никакого особого дела, которое могло бы привести эту женщину ночью ко мне в комнату,

у нее не было, иначе она давно бы уже рассказала о нем. Она словно чего-то ждала, но я не мог понять, чего именно. От этого молчаливого присутствия мне стало не по себе, и какая-то моя часть словно очнулась от долгого сна и теперь беззвучно кричала, пытаясь достучаться до мозга; но этот голос был слишком туманным, чтобы я мог его услышать...

Глаза незнакомки поблескивали в темноте двумя зелеными звездами.

— Как тебя зовут? — спросила она вдруг неожиданно ласково.

— Шрам, — отозвался я, и отчего-то ответ этот прозвучал, словно стон.

— Шрам? — слегка подняла бровь она.

— Извини, но это больше похоже на кличку для собаки. Неужели существо, себя уважающее, может носить такое имя?

Задай такой вопрос кто-то другой — и говоривший уже собирал свои зубы в платочек... Но в голосе незнакомки звучало все то же недоумение, без малейшего намека на издевку. И, неожиданно для себя, я в ответ только пожал плечами.

— Не знаю. Меня так называли со времени... Неважно.

— То есть, ты не знаешь своего настоящего имени? — она словно читала мои мысли, но это

почему-то меня совсем не удивило.

— Не помню. Как и много другого.

Женщина многозначительно покачала головой, словно такой ответ открыл ей многое.

— Кто вы? Мы были знакомы раньше? — осмелился спросить я. Не знаю, почему, но что-то такое неуловимо близкое, до боли знакомое было в этом блистающем существе...

В ответ она только неопределенно улыбнулась.

— Кто знает...

— Что вам нужно? — наконец спросил я прямо, всей душой желая прервать этот странный разговор.

Мне хотелось, чтобы она наконец-то закрыла за собой дверь, и чтобы вместе с ней ушло это непонятное наваждение, укутавшее меня удушливым облаком. Кажется, еще чуть-чуть, и я заплачу, зареву, как раненный зверь, не понимая сам причины нахлынувшей беспроглядной тоски...

И вместе с тем мне страшно не хотелось, чтобы она уходила.

Вместо ответа незнакомка вдруг подошла ко мне и коснулась прохладной ладонью моей щеки, обезображенной шрамом, который вдруг сделался таким ненавистным, хотя раньше я почти не обращал на это внимания.

От ее прикосновения я вздрогнул, как от

удара.

— Уходите... Если вы пришли просто поиздеваться надо мной, то вы опоздали. Это уже сделала природа... и обстоятельства.

— Глупый...

Ее тонкая рука продолжала гладить мою рожу, и — неужели мне показалось? — на ее прекрасном лице засветилась какая-то грустная нежность.

— Бедный мой глупый орк... Какие сны тебе снятся?

— Я не вижу снов. Словно проваливаюсь в бездонный черный колодец...

У меня не хватило сил отстранить ее ладонь, и я покорно принял игру, сути и правил которой не понимал. Только бы она еще постояла рядом, хоты бы минуту. Даже если все происходящее — жестокая и злая шутка, пускай! Пускай хотя бы минуту я не буду об этом знать, пока ее пальцы скользят по шершавой коже абсолютно лысого черепа...

— Ты страдаешь...

Я непроизвольно вздрогнул, как от удара. Она не спрашивала, она была в этом уверена. И мой ответ тут не был нужен.

— Кто ты?

Мой вопрос был скорее рвущимся изнутри стоном, облаченным в голос.

Незнакомка повела плечами.

— Я не хочу тебе лгать. А правду сказать все равно не могу... Пока не могу. Единственное, что ты должен знать — видимость обманчива. И часто мы совсем не те, кем кажемся.

— Нет... Я не могу ошибаться... Ты кажешься мне самой прекрасной мечтою, какая только может быть на свете, и я уверен, что это так и есть, что бы не скрывалось под твоею маскою...

Это был бред, звучавший дико из уст чудовища, но мне было уже все равно. Я вдруг просто отпустил себя, больше не подавляя то, что с самого первого взгляда на эту женщину сжигало меня медленным пламенем. Закрыв глаза, я медленно обнял ее за плечи, ожидая удара или смеха, но вместо этого она обняла меня в ответ.

И такими родными были эти объятия, словно я знал ее тысячу лет...

— Уходи... Пожалуйста, уходи... — просил я, но вопреки своим же словам сжимал ее в объятиях, как хватается обреченный за руки палача.

— Зачем ты просишь меня уйти, если хочешь, чтобы я осталась?

Ее нежный шепот струился сладким ядом, и я вбирал его всем своим существом, вдруг затрепетавшим от несбыточной надежды.

— Или нет?

— Больше всего на свете...

— Тогда просто поверь мне... и раздели со

мною эту ночь...

Все происходящее казалось слишком прекрасным безумием, чтобы в это поверить. И я не верил, не верил ни минуты, но ее обжигающий поцелуй был последней каплей, оборвавшей нить хоть какого-то рассудка...

Была ли пришедшая безумным порождением моего взбесившегося воображения, или мечтой, спустившейся с небес, чтобы пролить нектар — или яд на мою израненную, покрытую шрамами душу, или просто пресыщенной своевольной стервой, которой зачем-то понадобилось пополнить список разбитых сердец самым уродливым из всех возможных — мне уже было это неважно. Она целовала меня, и в бездонных вспыхивающих омутах ее глаз не было ни отвращения, ни жалости, способной убить — хотя сейчас я принял бы даже это... Но она не жалела меня, и не боялась; и когда я сам стал целовать ее, она не отвернулась и не отстранилась.

Одежда медленно оставляла ее тело, оказавшееся еще более прекрасным, чем можно было себе представить. И испепеляющий вихрь ночи накрыл с головою все, что осталось от моего умирающего рассудка...

Холодный рассвет предательски заглядывал в узкую прорезь окна. Сквозь полуприкрытые веки я